

Семён Пегов

ДОНЕЦК НА СВЯЗИ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА. На вопрос в предновогоднем интервью portalу Издательского совета Русской Православной Церкви: «Кого из современных авторов открыли для себя?» я ответил так:

– Поэт Семён Пегов. Личность известная как военный журналист, после ранения удостоен награды за мужество. Удивительно: вот только написал это имя, тотчас же прочёл в блоге Захара Прилепина его новые стихи о том, как погибли на Донбассе «три весёлых друга». Впрочем, с поэзией Семёна Пегова читатели «Дона» познакомились ещё в 2018 году, когда с подачи Сергея Арутюнова была напечатана подборка стихов «Военная азбука», хотя иные «толстые журналы» его не замечали да и по сию пору не жалуют. Вместе с ним, как было и в Великую Отечественную войну, сейчас входят в русскую литературу новые молодые авторы, опалённые боями наших дней. Они ещё скажут своё Слово во весь голос.

Печатаем новые стихи Семёна Пегова, впервые обнародованные на его интернет-канале.

Виктор Петров

СЛОВО АВТОРА

Ровно год тому назад, первого февраля, я приехал в Донецк. Предчувствие большой войны на тот момент уже несколько месяцев отчётливо витало в донбасском воздухе, многие понимали – тяжёлое противостояние неизбежно.

Но я не совру, если признаюсь – мало кто на самом деле представлял, что всё сложится так, как в итоге сложилось. Как бы мы теперь к этому не относились – с горечью, иронией или восторгом надежды.

В Ростовском аэропорту «Платов» тогда меня встречал всегда весёлый Воха, который выскочил «за ленту» по каким-то своим командорским делам и заодно захватил меня с собой в тогда ещё не познанную (опечаточка – не признанную) Россией Донецкую Народную республику.

Вохи не стало уже через месяц, война выбила его – ярко, молодого, дерзкого, умного – одним из первых. Перед этим была незабываемая радость признания – ДНР и ЛНР, фейерверки в честь этого прямо на передовой в Донецком аэропорту...

За этот год произошло многое, что никогда не позволит никому из нас остаться прежним. Что бы это ни значило. Радости и потери сменяли друг друга в какой-то невероятной, драматичной гонке.

Проект @wargonzo, в частности, который когда-то был просто моим личным блогом – успел каким-то неведомым для меня образом превратиться в агентство, где работают несколько собственных корреспондентов, которые с большим творческим азартом рассказывают о главных событиях, разворачивающихся в зоне СВО.

В какой-то момент я понял, что не всегда уместно выкладывать в информационную и содержательную ленту проекта – какие-то личные наблюдения, эмоциональные зарисовки, мысли, которые иной раз лезут в голову и которыми хочется поделиться. Стихи опять же...

В общем, я решил, что самое время немного переименовать свой несколько обэриутский канал «Дней стих пег» в более приличный вид. С этого момента категорически заявляю – теперь это мой единственный личный (и официальный) канал. Прочие и другие ресурсы под псевдонимом «Семён Пегов» в тех или иных иноземных транскрипциях – настоятельно прошу считать ложными и вражьими.

Сюда буду выкладывать скорее человеческое и творческое, иногда откровенно литературное – в общем без особых претензий на журналистику и серьёзность.

Всех обнял, на связи.

Ну и подписывайтесь, конечно же!

Семён Пегов

«СОМАЛИ»

...и только танк надует паруса,
Держа по ветру свой железный хобот,
Как тут же хруст растает на «глазах»
Под натиском других железных лодок,
Из дизельных утроб летят подарки,
Их экипаж небрежно принял вызов –
Бегут, бегут блакитные подранки
Всухую пережёванных дивизий.
Я там бывал, я это говорю,
И если я совру, то мне не жить,
Там даже смерть вели по букварю,
Как по доске. Наточены ножи.
Пусть танковый запустят водевилъ
Зять с Воробьём. Противник «не алё».
Ведь даже вечность напугал и удивил
Отдельный наш пиратский батальон.

КРАСНЫЙ НОЯБРЬ

Красный ноябрь как год. Как тигр, точащий лясы, –
Перепрыгивает через рвы, расчёсанные, точно язвы,
На теле моей Отчизны, разодранной на приказы.

Красный ноябрь – увы – полон страсти своей подлунной,
Будто в самое темя его ястреб кощеев клюнул,
И сок из него вытекает со вкусом промёрзлой клюквы.

Красный ноябрь – увы – время козней и царедворства,
Одиночества время, время подлости и притворства –
Он смертоносной листвой под ногами у нас разбросан...

Красный ноябрь и есть варево в чреве рва –
Ободранные ладони, покалеченная детвора,
Тунгусы, калмыки, чехи, русские и мордва,

Сталинские надрывы, ермаковые сундуки,
Похороненные отряды с лёгкой его руки –
С правого переправа на левый рукав реки.

И сколько тут ни горюй, сколько ни ссы с крыльца,
Красный ноябрь развеется как пыльца,
Несколько дней осталось дожить до его конца.

ИСПОРЧЕННЫЕ МАЛЬЧИКИ

Верлибр

Выплясывающие под синкопы миномётно-василькового джаза
испорченные мальчишки, сгустки тысячи поколений –
ходивших с рогатиной на медведя, прибывавших
свои щиты к воротам Константинополя и Парижа,
поднимавших во славу утраченных братьев
кубки с отваром из мухоморов –
прямо на поле битвы, умывшись трофейной кровью.

Да, вы капризны в своих мечтах, но также неприхотливы
в дальних походах – будь то по морю, по земле или в небо.
Ваши души, изуродованные сердца – лоскутное одеяло,
кое-как соштопанное старухами, прядущими грубые
шершавые нити из человеческих кошмаров,
ваша ДНК пропитана этим концентратом ужаса,
буквально соткана из него, и поэтому вы со смертью
практически однородны.

О! Это ведь самое терпкое хулиганство – игры с нею!
Прятки от смерти, догонялки со смертью,
со смертью – казаки-разбойники и вышибалы.
Никакие руны, никакие татуировки, никакая магия
этого не заменят – только её беззубая улыбка
может вас по-настоящему рассмешить.

Я встречаю вас повсюду: на арабских рынках,
в османских хаммамах, в афганских опиумных,
в строгих мечетях и православных храмах,
вы расползлись бронированными муравьями
по всем уголкам Вселенной, с самого детства
подбрасывающей вас в воздух своими
покрытыми змеиной кожей и морщинами руками.

И вот прямо сейчас ваше племя снова
встретилось мне на пути, когда на своём «Дракаре»
я проезжал мимо очередного и свежего
укрепрайона, вокруг которого в несколько рядов
были расставлены каменные зубы, выпавшие
из пасти первобытного дракона, покрытые
заиндевевшей коркой, на которую вы дышали,
чтобы написать на оттаявшем потаённое –
матерные цитаты из беззаветно испорченных
мальчишеских снов...

СОНЕТ К ЗИМЕ

...тобой, зима, несёт за сотни вёрст,
ноябрь выдался особенно шаманским –
и снег с листвою плавилась внахлёт,
облитые контуженным шампанским.

Текла любовь в бокал зимовьей жути,
порочные следы на стенках хрусталя –
и жертвенный оскал воюющей буржуйки,
которую, как честь, в окопах отстоял.

Я помню лишь одно: комбат играл на скрипке,
пытаясь штурмовой разбавить форс-мажор,
где каждое село мы добывали с криком,
и вот тобой, зима, наш ливень обожжён.

И нету больше звёзд, и нету птичьей почты,
и ты бредёшь одна в бесстыдстве полуночном.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

...мы одеты в наш православный мох
наши крики в горле стоят комком
но приказ который даёт комкор
выполняем взрывам наперекор
и отряды снова на штурм идут
мы ныряем в омут как в тот Бахмут

даже тот из нас кто по штату мудр
не доверяет здесь никому –
кроме брата что встал к плечу
и неважно квартира пещера чум
даже если раунд прошёл вничью
мы тут до следующего заночуем
график рваный у нас пускай
сколько ладонь ни снимай с виска
даже тот кто «богом» себя нарёк
перед смертью встанет под козырёк –
чертыханьями смазанная арта?
посоветует как скоротать
без фантомного жира денёк другой
без того что бросили за рекой –
чтобы всё вернуть мы идём в замес
белые скалы Изюмский лес...

* * *

Густой ампир ясиноватства:
В распутице веков дрожа,
В угаре равенства и братства
Хрустит архитектурный жанр.
Снесён снарядом душный эркер,
На скате кровли – туп и рьян –
Кусок металла в табакерке,
Плевки бетонного зверья.
И мы ещё не стали чище,
И, сколько тьмы ни берегись,
Один Господь, простой и нищий,
Переключает наш регистр.
Застывших каменных симфоний
Царапины и каждый шрам
Насыщен копотью и вонью,
Но не показан корешам.
И в этом таинстве жилищном,
В романтике донбасских крыш,
Едва забыв о мраке личном,
Ты обезвоженный стоишь.

Густой ампир ясиноватства...

ОБЛАКО

Ты так беспокойна, как ночь в Кабуле,
Где коврово-пряная свистопляска.
В каждом доме – пули, изгибы улиц
Повторяют арабскую вязь Дамаска.
И сочится пар сквозь узор хаммама,
Эта сладость стонет исламским шоком –
Твои рынки полны расписного хлама,
Твоя кожа покрыта имбирным шёлком.
Впрочем, мой мозг переполнен лишним,
В этой мозаике из баталий
Твой Восток – неизменно Ближний,
Мой Восток – откровенно Дальний.
Впрочем, сколько ни пьался в окно резное,
Безграничность восточных степей иссякла.
Мой дремучий Север острее зноя.
Твой летучий Юг – кровавая клятва.
И над нашим союзом все боги пляшут,
Проносья сквозь время кошмарным роем;
Мы раскрасим небо в лихую яшму –
Вместе – мы облако очередное.

ШТУРМОВИКИ

Снова февральские штормы вовсю канючат:
Вьюги, метели, ошмётки домов, железа –
Воздух на ЛБС недвусмысленно так колючей,
Чем в Соловках у сидельцев иных аскеза...
...фронтные картинки густее, чем в фильмах Джармуша,
Это не в минус братве, скорее на сердце бархат
Тем, кто на горку однажды сменил пижаму
И сегодня бессмертно идёт погибать на Бахмут.
Их давно не обманешь, не запутаешь байкой-чуйкой,
Каждый из них упрямя в доле своей штрафбатской,
Осознавая, что нет воздушнее и летучей
Обретённой в бою свободы степей Донбасса.
И каких бы бандитов ящик из них ни корчил,
Натянув на себя белоснежно-дежурный плащик,
Они выходят на холм позвонить сыновьям и дочкам –
Сообщить, что отныне их долг уплачен.